

Анастасия Викторовна Картавцева родилась в городе Ельце Липецкой области. Окончила магистратуру факультета журналистики Воронежского государственного университета. Работает корреспондентом РИА «Воронеж». Публиковалась в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «Причал» и др. Участница Всероссийских и областных совещаний молодых литераторов. Дипломант и лауреат поэтических конкурсов им. Леонида Филатова, «Бунинские Озерки», победитель журналистского конкурса «СМИПротворец». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Анастасия Картавцева

ЧЕРНАЯ СМОРОДИНА

ДВА ГОРОДА

Скоро мы надолго расстанемся.
Автостанция с башенкой
В этот раз встречает меня
Обледенелая, блестящая светом фонарным,
Замкнутым в миллионах капель.
Мой родной приветственно каркает,
Чего, мол, гуляющая,
Приехала, наконец?

Каждая встреча с ним —
Испытание верой.
Не прощупать сквозь куртку,
на мне ли крестик.
Не понять по рукам, зажатым в перчатки,
На мне ли его кольцо —
Колючее, обручальное.
Он целует мне щеки холодные,
Греет.
Это ревность.
У нас что-то среднее между разводом
И крепким браком,
Которому не помеха
Ни расстояние в сто километров,
Ни время в две-три недели.

Пока догоняет секундную часовая стрелка,
Я танцую с другим —
Молодым-зеленым.
У него девиц, что листвы на кленах
Ранним летом.
В люди можно с ним, не покрывши голову,
Этот отпускает куда угодно!

А с моим тираном никак без боя мне.
Летний день придет — я прощусь с обоими,
Чемодан спущу по скрипучей лестнице...
Может статься так, мы уже не встретимся.
У реки — два берега, у меня — два города.
Реки к морю мчат,
Помоги им, Господи.

БАБЫ

Между городом и тьмой — серый дым.
Только в дыме не спастись, не согреться.
А под шаялями у баб животы,
У Георгия свеча, у Елецкой.

«Боже, смилуйся, победы нам дай!» —
В наши дни молиться — женское дело.
Крепким бабам и война — не беда,
Кабы знали — да рожали бы девок.

Им бы пасть перед иконами ниц,
А они себе стоят со свечами.
Разве кто-то бы услышал из них,
Как вчера одна в подвале кричала?

Выйдут в мир, зажмут ладонями рты,
Так и станут скоро ликами лица.
И растет под полом сын-богатырь,
Над плечами уж скрипят половицы.

Налетят за ним вечерней грозой,
Через землю в небо вспышками молний
Унесут. И лишь наплечный узор
Под погонами весь город запомнит.

Я сама теперь весна-пустоцвет.
За водой идти — наплакала мало.
Счастье-счастье — никого рядом нет...
И кому я рукава вышивала?

ПРОЛЕСКИ

1

Расстреляли землю первые ливни,
И у кладбища трава догорела.
Ни лисиц, ни зайцев не видно —
Только палая листва меж деревьев.

За железкой мы разведали место
И с отцом для леса стали ворами.
Мы подснежниками звали пролески,
Мы их в две руки собирали.

Мокрые холодные стебли
Я сжимала — пальцы сводило.
Поезда от ветра к югу летели,
Рельсы были нам ориентиром.

И куда с отцом нас не заносило!
Наплевать, что мга, холодина...
Но, похоже, по цветам ярко-синим
Я семнадцать лет проходила.

2

Что же там трещит за кустами?
Заиньке лиса не подруга.
По железке битые танки
Тянутся составами с юга.

Мы с отцом молчим и не спорим —
Лесом не разделишь нас точно.
Серое ли? Рыжее поле?
Желтый? Голубой ли цветочек?

Разве важно это? Зелень да зелень...
С луковицей выдернуть рада.
Повтыкаешь в огородную землю
И глядишь, как в ней они умирают.

Ничего, уже черемуха скоро
Расцветет и за неделю поникнет,
Прозвонит по ней сорняк-колокольчик,
А к июлю соберем землянику.

ДУРАЧОК

Тишину нарушает размеренный стук копыт.
Под шагами коня высыхают пустые степи,
Дурачок выбирает дорогу «богатому быть»,
Направляется в лес, запеая про Дон и Стеньку.

Лет пятнадцать пройдет. Под густой колокольный звон
Он вернется в деревню верхом на горбатом волке,
И карманы его будут полны сухой листвой,
И глаза его солнцем и золотом будут полны.

Люди тыкают пальцами, шепчутся, хмурят лбы,
Распускаются сплетни, как в майских садах деревья.
Дурачок выбирает дорогу «женатому быть»
И спешит в города, чтоб попасть на глаза царевне.

Двадцать лет пролетит. Он вернется под лай собак,
У церквушки присядет, заплачет. А ближе к ночи,
Напевая романсы, пойдет напрямиком в кабак
Теребени рассказывать быль про цареву дочку.

На отшибе — хибара. Забором вокруг — дубы.
Он сидит на пороге и мнет сапогом опята.
Дурачок выбирает дорогу «убитому быть».
Он вернется наверно. Когда-нибудь... в сорок пятом.

ЧЕРНАЯ СМОРОДИНА

Стоят кусты — мои ровесники —
Лет двадцать в скромном огородке.
Мать, говорит, растила вместе нас:
Меня и черную смородину.

Компоты закрывала к праздникам,
Варила джемы с апельсинами.
Вздыхала: «Ведь сажали ж красную...» —
И вытирала пальцы синие.

А я, узбечкой многокосою,
С кустов срывала виноградины.
Тогда мы с матерью до осени
Звенели банками... И ладили.

Уехала, обрезав волосы,
И в тот же год кусты все высохли:
Стоят теперь пустые, кволье,
А я живу, свободу выстрадав.

Всю жизнь меня белили дочиста —
Дом позабудешь, не воротишься.
Вздыхает мать: «Растила доченьку,
А вышла черная смородина».